

СЕКС И СИМВОЛ

Независимая
газета. - 1998
нояб. - с. 10

В детстве Рената Литвинова с увлечением читала Фрейда, но тогда она еще не понимала значения некоторых слов

Алла Перевалова

РЕНАТА, что доводило вас в детстве-отрочестве до слез? И что доводит до слез сейчас?

— То же, что и в детстве. В детстве никто не научен защищаться, если чувствителен, ведь есть и нечувствительные дети, элементарные и равнодушные. В детстве я ощущала то, что я совсем одна, значит, что-то во мне не так, не-правильность какая-то, неумение быстро поступать так, чтобы быть ловкой, уверенной, агрессивной, — все те качества, что ценятся в детстве, а во мне этого не было совсем, хотя этому можно научиться, даже играть в это, но в любом случае для меня это было неестественно. И если кто-то ко мне вдруг был добр, я была этому человеку благодарна! Может, некоторые мои знакомые из детства и удивятся...

— Чем вы не нравились окружающим в детстве?

— Тем же, чем и сейчас. Но так же, как и сейчас, мне никогда не бросали обвинения в лицо, ничего конкретного.

— Говорил ли вам, когда вы были ребенком, кто-либо из взрослых, что у вас большое будущее, что вы талантливы?

Ренату Литвинову обозвали секс-символом без ее одобрения или неодобрения. Она хранила равнодушие. Но от одной своей фотографии в «Плейбое» она до сих пор не может отойти, хотя даже мама махнула рукой: «Было — и было». Но ведь такой некрасивый кадр — как же фотограф не понял? Поэтому ну их. Секс-символ — так секс-символ, общественная маска, утеша мужчин-созерцателей.

— Более всего у взрослых я вызывала удивление, любопытство, смех и вздохи, но одновременно и уважение: Я занималась по классу фортепиано, и если мне говорили о способностях, то это мне было даже стеснительно, и я эти разговоры не любила. Бабушка спрашивала у меня всегда очень драматическим тоном: «Что с тебя будет? Что ты себе думаешь?»

— Когда и как появились у вас первые высокие каблук?

— Это были мамины туфли, я надела и пошла в кино, и встретила мальчика из школы, и он так посмотрел на меня, я подумала: опять что-то не так, я ужасна — так он мне отравил первую радость этим своим взглядом. Но я ему благодарна, что хотя бы ничего не сказал.

— Какой вы были на выпускном вечере в школе? Было ли это событие переломным для вас, испытывали ли страх перед тем, что будет дальше?

— Такие вопросы, как будто я на приеме у психиатра... Ну на выпускном вечере я была, может, час и ушла вместе с мамой и своей подругой Таней, которая впоследствии стала известной оперной певицей. Там было смешно. Никаких расставательных чувств. И неинтересно. Помню только актов зал с выключенным светом и по стенам и углам разгоряченные лица. Когда мы спустились по лестнице, на другом этаже строгаи бутерброды и распаковывали торты, но пахло сквозняком, казенной школой и хотелось скорее уйти. Я была счастлива, что все наконец кончилось.

— Приносит ли вам удовлетворение такая личностная суета: там побыть актрисой, тут — сценаристом, потом, возможно, режиссером приоткрыться? Из-за чего этот хаос?

— Изменение качества, перемена профессии — я бы советовала это многим. Я сама пишу, мои сценарии сделали многие режиссеры, я имею этот опыт. Я играла в своих сценариях как актриса — это другой опыт. И теперь мне надо сделать фильм как режиссеру, потому что все остальное пройдено. И если с кем-то работать в старом качестве, то только когда очень интересно, когда будет новый результат. Но в изменении профессии для многих сейчас я вижу позитивный выход, в этом нет ничего трагического или позорного, как иногда человек думает про себя. Вот я читаю мемуары Ольги Чеховой — она была звезда кино, но, когда ее перестали снимать, она осталась без работы и доходов и стала работать как косметичка. И на первый ее прием пришли трое мужчин, чтобы сделать педикюр, — они хотели, чтобы это им сделала сама звезда. Такие первые клиенты. Но со временем ее бизнес очень процвел — в ее жизни появились новый смысл, работа и деньги, которые дают некую независимость. Исчерпав себя в одном, найду себя в чем-то другом. Перемена статуса, падение после успеха — это не трагично для меня, в этом есть польза, движение — не остановка. Хуже всего незанятость.

— Когда приходится кого-то долго ждать, чем вы развлекаетесь?

— Я легко жду. Во мне есть эта стойкость. Просто всегда думаю: а есть ли в том смысл, нужен ли этот человек мне такой ценой? Если знаю, что смысл есть, то жду до последнего, до конца.

— Вы в детстве сочиняли «страшилки»?

— Это то, что у меня всегда канючили и в пятидневке, когда тебя забирают только на выходные и по ночам все просят рассказать историю, и потом всякие подружки на переменах. Я уже тогда поняла, что рассказывать истории — это как работа. Мне нравилось хранить их в себе, а рассказывать — это уже труд.

— И когда вы стали записывать то, что приходило в голову? Кому давали читать?

— Никому не давала читать, только когда заставляли, например, чтобы поступить во ВГИК на сценарный факультет, нужно было сдать папку рассказов. Уже во время учебы во ВГИКе моя бабушка брала у меня со стола тайно что-то почитать... Потом я прихожу, смотрю, она какая-то не такая, взволнованная, я спрашиваю: что случилось? Тогда она мне с обидой: «У меня над кроватью не старый потертый коврик висит, у меня ковер целый, нигде ни одной потертости!» И так несколько раз. Оказалось, она прочитала у меня в рукописи: «Над кроватью у нее висит старый потертый половик». Она всегда принимала написанное на свой счет. И сколько было конфликтов, когда я кричала: «Так ведь это не про тебя написано!» В общем, я не люблю давать читать рукописи. Помню, Кира Муратова все хотела почитать у меня сценарий, как мне казалось, раньше времени, я ей сказала: вот я вам покажу, что он у меня есть, но пока читать не дам, позже, — так она вырвала у меня его из рук и стала бегать вокруг такими неровными кругами. Конечно, мне было неудобно гнаться за ней и выдирать его обратно, но я испытала душевную травму.

— Чего вы не прощаете? Злопамятны ли?

— Я прощаю. У меня есть такие люди, которые вне прощений и обид, как мама, например. Я всегда прощаю людей, правильнее — я их не виню, просто я могу исключать их из своей жизни. Как правило, это необратимо: иногда они могут жить в памяти, и я могу по ним скучать, как по умершим, к которым нельзя вернуться. Я не чувствую обид на людей. Я могу быть ими поражена — насколько можно быть неумно злым, как можно так больно ударять, быть жестоким, подлым или вором-обманщиком. А если не обижена-унижена, то и не мстишь. Если бы я была поставлена в условия, как Гамлет, — мстить за любимых... Но у меня не было такого опыта.

— В чем ваш конфликт с Кири Муратовой? Кажется, что вы так хорошо понимаете и дополняете друг друга.

— У меня с Кири Муратовой никакого конфликта нет и не может быть. Настал момент паузы, не знаю, какой длины. На проекты все труднее и труднее найти финансирование, особенно когда деньги не государственные, а частные. Встает вопрос о возврате денег. Как потом продавать картину, будут ли ее смотреть — нет уже той полной свободы режиссера, которая была последние лет семь, особенно если режиссер с таким именем, диктовать ему никто не смел. Сейчас и имя не гарантирует независимости от денег. Я склоняюсь пе-

Рената Литвинова.
Фото Владимира Клавихо

ред ее талантом, она выдающийся режиссер, сверхсильная личность, ярываюсь между чувствами к ней — я и в поклонении, и мне ее так жалко, как бывает жалко родного человека, когда ему плохо и ты не можешь ему помочь.

— Вы снимаетесь в новой картине Рустама Хамдамова. В чем секрет его обаяния? Не пожалели, что расстояние между вами сократилось до совместной работы, не лучше ли было оставаться на почтительной дистанции?

— Рустам — гений. В его таланте нет надсмеханий, ушербности, зла, того, что сейчас почти во всех талантливых картинах. С ним я подавлена его самодостаточностью, в него нельзя что-то принести. То, что он делает на пленке, — совершенно, я не видела ничего красивее и вдохновеннее, чем фильм «Нечаянные радости», вообще в мировом кинематографе. Я счастлива, что знакома с ним, а вы такое спрашиваете! Он общается с тобой и отдает, но ничего не берет взамен от тебя, ты ничем ему не можешь помочь, ему ничего не

нужно. Половина нашего фильма уже снята, остались съемки в Казахстане.

— Кажется, что вам должно быть близко творчество Достоевского и Сартра. Есть ли любимые произведения?

— Я не читала Сартра, как и многих других писателей. Начиная его читать, я не могла себя заставить читать дальше. Лучше я два раза подряд перечту Достоевского, Гоголя... Конечно, это мой недостаток.

— А Фрейда читали?

— Да, с ним у меня была такая история: я в детстве нашла в шкафу книгу Фрейда и с увлечением читала ее, я не понимала только значения одного, часто встречавшегося слова, почти в каждом абзаце — «гениталии, гениталии». Я решила, что это какое-то теоретическое, вводное слово. И все равно мне было интересно. Я читала это как возвышенный текст о человеческой душе. С тех пор я больше Фрейда не читала.

— И как собираетесь жить дальше?

— Счастливо.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Рената Литвинова родилась в 1968 г. в семье московских медиков. В 1991 г. окончила ВГИК (сценарный факультет). В 1994 г. дебютирует как актриса в фильме «Влеченья» (режиссер Кира Муратова) и удостоивается премии фестиваля «Кинотавр» за лучшую женскую роль. В 1996 г. возобновляет сотрудничество с

режиссером Муратовой в качестве актрисы и сценариста («Три женские истории»). В активе Литвиновой — сотрудничество с режиссером Валерием Тодоровским («Страна глухих») и дебют в качестве модели в русскоязычном издании «Плейбоя». Год назад прекращает сотрудничество с Муратовой по инициативе своего мужа, продюсера Александра Антипова.